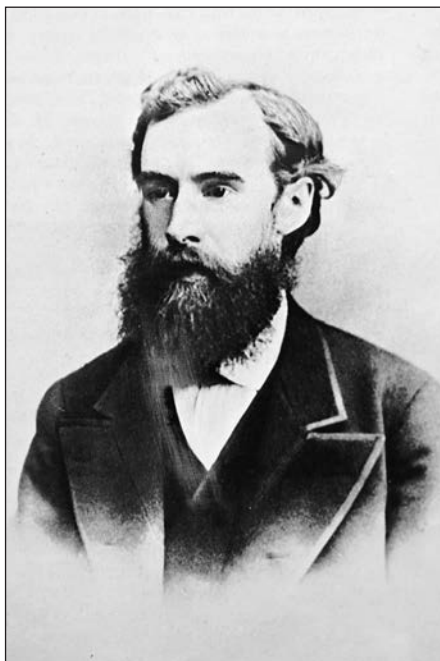

ТРЕТЬЯКОВ И ХУДОЖНИКИ БЛИЖНЕГО КРУГА

В этом году исполняется 190 лет со дня рождения Павла Михайловича Третьякова. Дата не круглая и широко не отмечается, но всегда поучительно обратиться к жизни и делам великого человека. В предыдущем номере нашего журнала мы рассказали об открытии в Москве нового музея Павла и Сергея Третьяковых в доме, где прошло детство основателей нашей национальной галереи. Как известно, братья Третьяковы происходили из старинного, но небогатого купеческого рода. Будущие коллекционеры начинали свой трудовой путь в московских торговых рядах, помогая отцу вести дела. Мысленно прослеживая будущую судьбу Павла Михайловича Третьякова, нельзя не задаться вопросом, какие жизненные обстоятельства, какие черты характера помогли юноше, начинающему трудовой путь с обязанностей «мальчика при торговой лавке», стать одним из великих деятелей отечественной культуры. Ответить на этот вопрос нам поможет книга его дочери А.П.Боткиной «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве». Книга, первое издание которой вышло в 1951 году еще при жизни автора, уникальна по богатству изученного архивного материала. Это было первое документальное исследование истории формирования коллекции Третьяковской галереи и феномена личности самого ее создателя. Конечно, особую ценность придает книге живость воспоминаний дочери об отце, о той атмосфере неподдельного интереса к искусству, которая царил в семье Третьяковых.

Сама Александра Павловна Боткина (1867–1959) всегда серьезно интересовалась искусством и принимала деятельное участие в делах галереи. В 1898 году она первой вошла в качестве представителя семьи Третьяковых в состав Совета галереи, согласно воле самого Павла Михайловича, выраженной в его завещании. Особенно активно она занималась изучением личного архива отца, ее усилиями он был сохранен для будущих поколений.

Итак, обратимся к главам книги, которые рассказывают о культурных запросах и интересах Павла

П.М.Третьяков.
Фото. 1871.

В. Худяков.
Стычка с финляндскими контрабандистами.
Холст, масло. 1853.

А.П.Третьякова (Боткина).
Фото. 1880-е годы.

Михайловича в годы юности. Известно, что молодежь в семье Третьяковых увлекалась театром, их мать часто посещала спектакли, но о других видах искусства и, прежде всего, об интересе к живописи упоминаний нет. Впервые Павел Михайлович заговорил о нем в письмах к матери, когда описывал свою первую поездку в Петербург. А совершил он ее в возрасте 20 лет, в октябре 1852 года. В письмах он подробно рассказывает о своих впечатлениях от столицы, зная любовь матери к театру, делится мнением о спектаклях и великих актерах, участвующих в них, и впервые рассказывает о посещении Эрмитажа. Чувствуется, что Эрмитаж его поразил и восхитил: «Видел несколько тысяч картин! Картин великих художников Рафаэля, Рубенса, Пуссена и прочих». Он надолго задерживается в Петербурге, сообщая матери, что посетил Румянцевский музей, три раза был на частной выставке картин, дважды посещал Академию художеств.

Поездка эта, по-видимому, сыграла решающую роль в жизни Павла Михайловича, определила новые интересы в сфере художественной жизни. Уже со следующего года вокруг братьев Третьяковых начинают группироваться молодые люди из новой демократической купеческой среды. В это же время у Павла Третьякова просыпается интерес к собирательству. Вскоре в его записных книжках появляются заметки о покупках картин. В 1854 году он покупает целую коллекцию из 9 картин старых голландских художников. Собирательская деятельность сближает Третьякова с молодыми художниками, среди них В.Худяков, братья Горавские, А.Риццини, Н.Неврев и другие. Купив картины старых голландцев, он вскоре понял, что слишком мало имеет знаний и опыта, чтобы безошибочно покупать работы западных мастеров, и решил приобретать картины только русских художников с выставок или от самих авторов. Денежные средства не позволяли ему приобретать полотна старых мастеров, и он начинает собирательство со своих современников. Первой покупкой стала картина В.Худякова «Стычка с финскими

контрабандистами», это следует из документальных данных. Сам Павел Михайлович началом своего собрания называет «Искушение» Шильдера, за которую было выплачено 150 рублей. В 1856 году он заказывает картины нескольким художникам: Н.Шильдеру, Н.Сверчкову, И.Соколову и другим. Устанавливаются дружеские взаимные услуги. Павел Михайлович старается привлечь художников к сотрудничеству в собирании картин и за это помогает продавать их работы, делается посредником между ними и любителями искусства. Но вскоре эта роль перестает его удовлетворять.

В это время в обществе активно обсуждается вопрос об открытии в Москве национального художественного музея, который должен стать вторым «умственным центром» наряду с Московским университетом. Создание музея провозглашалось как одна из задач Московского общества любителей художеств, основанного в 1861 году.

В 1862 году Третьяков в Петербурге посетил галерею Федора Ивановича Прянишникова, который создал первую частную коллекцию русской живописи. Коллекция эта произвела на Третьякова сильное впечатление, и у него зародилась мысль о ее приобретении как основы будущего музея. Перед очередной поездкой за границу он пишет так называемое «Завещательное письмо», в котором делает распоряжения на случай своей неожиданной смерти. Большая часть принадлежащего ему капитала — сто пятьдесят тысяч рублей — должна быть употреблена на устройство в Москве «общественной картинной галереи». Третьяков предполагал на эти деньги приобрести коллекцию Ф.Прянишникова, присоединив к ней собственное небольшое собрание, после чего передать созданную галерею в ведение общества любителей художеств. У него уже существует план устройства галереи, тех принципов, на которых должны строиться взаимоотношения художников между собой. Особо он подчеркивает, что общество любителей художеств должно быть частное, не от правительства, а главное, без чиновничества. Письмо заканчивалось проникновенными словами: «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие». Завещание это родным исполнять не пришлось. Павел Михайлович вскоре сам осуществил свою мечту — создал народную художественную галерею.

Первоначально он мыслил себя только инициатором дела, который предоставляет свой капитал на покупку картин, но в дальнейшем он в полной мере принимает на себя обязанности устроителя музея и посвящает этому всю свою жизнь. Он ясно осознает характер будущей галереи — она должна быть национальной, содержать картины русских художников и в то же время иметь исторический характер, то есть показывать отечественное искусство в его историческом развитии.

В 1871 году создается Товарищество передвижных выставок. На Первой выставке Товарищества Третьяков представляет принадлежащие ему вещи: картины В.Перова «Портрет Островского», «Охотник» и

«Рыболов», Н.Ге «Петр и Алексей», А.Саврасова «Грачи прилетели», И.Крамского «Майская ночь (Русалки)». Необыкновенное впечатление произвели на зрителей саврасовские «Грачи» своей правдой и большой поэзией. Выставка принесла много похвал и художникам, и Третьякову. В.Стасов в своей обзорной статье особо отмечает: «Чего не делают большие общественные учреждения, то поднял на плечи частный человек и выполняет со страстью, с жаром, с увлечением и — что всего удивительнее — с толком».

В 1870—1886 годах коллекция Третьякова активно пополняется, особенно с выставок Товарищества, сплотившего в своих рядах лучшие силы современного искусства. В это время Третьяков тесно связан с И.Крамским, который для него безусловный авторитет и советчик по всем вопросам художественного творчества. По словам А.П.Боткиной, «отношение Павла Михайловича к Крамскому на протяжении всего их 17-летнего знакомства было непрестанно хорошее, сначала внимательное, потом искренно теплое. Отношение Крамского колебалось несколько раз. Вначале Павел Михайлович был для него только одним из купцов-любителей, но затем, лучше узнав Третьякова, Крамской не раз выражал ему свою признательность. Их отношения не всегда складывались ровно, но, читая и вникая в их переписку, — замечает А.П.Боткина, — видишь, какое огромное значение имели встречи и общение этих двух людей».

Роль Третьякова в развитии искусства передвижников огромна. Они признали в нем своего собирателя, его суждения об искусстве, его оценки работ воспринимались ими как безошибочный приговор. Став помощником передвижничества, он по существу избавил художников от диктата буржуазно-мещанского рынка. Под влиянием его взглядов, заказов они могли осуществлять крупные замыслы, оставаться на высоте идейных и художественных задач.

В начале 1880-х годов семья Третьяковых сблизилась с семьями так называемой «великой тройки» — Репина, Сурикова и Васнецова. Александра Павловна искренне передает характер отношений Третьякова и «великой тройки».

Репин жил в Москве между 1877 и 1882 годами. Уже позади были первые встречи, первые пробы заказов — портретов Тютчева и Тургенева, уже несколько картин Репина были куплены Третьяковым: «Старый еврей», «Чугуевский протодиякон». Пять лет московской жизни были для Репина блестящими и плодотворными. Репин сделал для Павла Михайловича портрет его матери, потом один за другим появлялись новые произведения, и какие! Писемский, Мусоргский — два непревзойденных портрета, «Правительница Софья Алексеевна», «Отдых», так поэтически изображающий его жену. К Илье Ефимовичу мы, молодежь, относились не так, как отец. Восторгаясь им как художником, мы резко отделяли художника от человека. В быту он был очень ординарен, никакого ореола не сохранял. Портреты наше отношение к Репину и то, что наша гувернантка влюбилась в него и не скрывала этого от нас — 15 и 14-летних девочек. Все это вызывало в нас смех.

Вещи Репина — большие и маленькие, портреты — отец собирал. Им были приобретены «Запорожцы», «Иван Грозный», «Не ждали», «Перед исповедью» и другие. Иногда были пререкания по поводу цен. Например, за «Грозного» Репин собирался взять 20 тысяч, цену по тому времени неслыханную, переговоры были долгими, но Репин получил запрашиваемую им сумму.

В. Суриков.
Меншиков в Березове.
Холст, масло. 1883.

В. Васнецов.
Царь Иван Васильевич Грозный.
Холст, масло. 1897.

Как-то Репин упрекнул Павла Михайловича, что он зря бросает деньги. Павел Михайлович взволновался и написал Репину: «Я менее чем кто-нибудь желал бы бросать деньги и даже не должен сметь этого делать. Мне деньги достаются большим трудом, часто физическим, но более нравственным, и, может быть, я не в силах буду продолжать торговые дела, а раз кончивши их, живя на доходы с имений, я не в состоянии буду тратить на картины ничего». Упадок сил таланта Репина начался, когда Павла Михайловича давно уже не было в живых. Это и не важно. Павел Михайлович взял все, чтобы этот колоссальный мастер, который, по моему, сам не вполне осознавал размеры своей гениальности, был представлен подавляюще полно.

Второй из великой тройки — Суриков — начал бывать у Третьяковых немного позднее, чем Репин. Появление его в художественном мире с картиной «Казнь стрельцов» было ошеломляюще. Никто не начинал так. Он не раскачивался и как гром грянул этим произведением.

Павел Михайлович, приобретая картину, справлялся у Репина, какое впечатление произвела она на Передвижной выставке в Петербурге. Репин ответил: «Картина Сурикова делает впечатление неотразимое... у всех написано на лицах, что она — наша гордость на этой выставке». На нас, молодежь, эта картина произвела сложное и глубокое впечатление. Тем интереснее было увидеть автора. Он был так самобытен, так ни на кого не похож и лицом, и манерой говорить. Никогда нельзя было угадать, что он вам ответит или что скажет сам.

Когда писалась картина «Меншиков в Березове», мы бывали у Суриковых и следили за ходом работы. Нам очень нравилась картина, и мы не сомневались, что она будет в галерее.

Третья картина Сурикова — «Боярыня Морозова» — тоже была взята в галерею. Картина эта при всей своей грандиозности и силе производила тяжелое впечатление. У нас не было к ней такой любви, как к первым двум. Прежде всего, что-то в ее колорите, к чему не сразу можно было привыкнуть. Некоторые лица поражали неприятно. Да и лицо самой Морозовой портит какая-то ущемленность. А от вида нищего пробегающего мурашки. Павел Михайлович очень заботился о выгодном месте для Морозовой, пробовал вешать ее на разных стенах, пока нашел такое место, где и свет падал удачно, и подход был издалека.

И. Репин.
Портрет композитора
М.П.Мусоргского.
Холст, масло. 1881.

И. Крамской.
Христос в пустыне.
Холст, масло. 1872.

Безусловно и безоговорочно все у Третьяковых полюбили Васнецова. Первое появление Виктора Михайловича у нас я ясно помню. В 1878 году, когда Передвижная выставка была в Москве, несколько художников приехали к нам на дачу в Кунцево, среди них был и Васнецов. Когда он написал свои сказочно-былинные вещи «Витязь на распутье», «Ковер-самолет» и «Скифы», сделанные для Мамонтова, они были так новы, так увлекательны, так поэтичны, что навсегда привлекли наши симпатии к художнику. Между 1880 и 1885 годами появлялись новые произведения. Когда мы приходили к Васнецовым, нам показывали «Аленушку», эскизы панно «Каменного века» для Исторического музея, «Три царевны», потом начатого «Серого волка», «Богатырей». Последние две неоконченные картины он увез в Киев, где работал над украшением Владимирского собора.

Когда Виктор Михайлович вернулся в Москву, Павел Михайлович стал собирать его эскизы, картоны, акварели к росписи собора. В 1897 году прибавился «Иоанн Грозный». Третьяков предупреждает художника о нежелательности повторений: «Повторений я ненавижу, я уже теряю любовь к произведению, с которого есть повторение. Вы, наверное, не захотите, чтобы я потерял любовь к какому бы то ни было Вашему произведению». Наконец, в 1898 году «Богатыри» заняли то место, которое они занимают 47 лет до сего дня. Уже давно и хорошо мы их знали. Следили за переменами и переделками, в особенности Алеши Поповича. Всегда мы были уверены, что они будут в галерее. И все-таки их появление было событием большим и радостным. Мы любили их, как любили самого Виктора Михайловича.

За 42 года своего собирательства Павел Михайлович общался с таким количеством художников, что их пере-

чень потребовал бы целого отдельного тома. Мы остановились на нескольких именах художников, без чьих произведений мы не мыслим золотой фонд Третьяковской галереи.

Собрание Третьякова, зародившееся в 1856 году, увеличивалось очень быстро. Назрела необходимость строить новое помещение для галереи, отделив его от жилого. Собрание приобрело большую известность, появилось много желающих посетить его. В 1872 году было принято решение начать стройку, которую возводил зять Павла Михайловича архитектор Александр Степанович Каминский. Здание в Лаврушинском достраивалось несколько раз. В 1877 году в связи с размещением верещагинской коллекции Павел Михайлович начал строить вторую очередь галереи, позднее еще открывались и пристраивались небольшие залы. После смерти брата Сергея Михайловича к галерее присоединилось его собрание – 84 произведения иностранных художников. Устройство коллекции Сергея Михайловича, а также неоднократная перевеска картин, трудно дались Павлу Михайловичу. Он часто хворал и был угнетен болезнью жены. «В сентябре отец предложил мне приехать и посмотреть законченную развеску картин», – вспоминает Александра Павловна. Это размещение оказалось последним, сделанным Павлом Михайловичем. Через три месяца его не стало. Эта экспозиция была запечатлена по решению Художественного совета фотоснимками всех стен. Но, как бы ни менялся порядок зал и расположение в них художественных произведений, как бы ни увеличивалась Государственная Третьяковская галерея, дойдя до теперешних грандиозных размеров, – все, сделанное самим Павлом Михайловичем, коллекция, созданная им, имеют документальный след для потомства и истории, которые будут благодарно чтить память человека, служившего любимому делу в течение четырех десятилетий, шедшего, не останавливаясь, по намеченному пути и умершему на своем посту.

Н. ПЛАТОНОВА